

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 22-го ноября 1915 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 13056.

МАТЬ.

Около бурой, промокшой корчмы уже стоялъ нашъ «экипажъ», какой-то невѣроятный фургонъ, рыжая деревянная коробка, затянутая сзади парусиной, съ четырехугольнымъ отверстиемъ; все это косило и было сплошь забрызгано грязью. На крышѣ лежали мѣшки скарба и сундучки, перевязанные веревками.

Вокругъ лошадей, уже имѣвшихъ понурый видъ, съ репейниками въ гривѣ, хлопоталъ возница, литовецъ, лѣтъ сорока, въ громадныхъ сапожищахъ и высокомъ картузѣ, изъ-подъ которого во всѣ стороны торчали прямые рыжеватые волосы.

Дождь, начавшійся еще ночью, монотонно и упрямо моросилъ; стѣ этого тускло поблескивала убѣгавшая вдалъ дорога, и еще болѣе тусклымъ и сѣрымъ было небо.

— Скоро поѣдемъ? — спросилъ я возницу, наливавшаго на себя какою-то громадный кожухъ.

— А вотъ придетъ Бончичиха, и поѣдемъ, — завозилась старуха.

Кромѣ меня, въ полутемной и прокуренной комнатѣ корчмы сидѣли еще двое пассажировъ.

Толстый патеръ въ выцвѣтшей крылаткѣ съ маленькой корзинкой въ рукахъ; онъ непрерывно поминалъ Бога и глубоко вздыхалъ; его женоподобное лицо съ маленькими печальными глазами было сѣрымъ, оплывшимъ, утомленнымъ.

Еврей Юдылевичъ, имѣвшій въ мѣстечкѣ лавочонку. Одѣтъ онъ былъ въ длинное дырявое пальто до пятъ; кажется, отъ самаго сплюснутаго чернаго картуза начинилась его широкая борода, раздѣленная внизу на отдѣльныя космы.

Онъ все время сутѣлся, выходилъ кудато, появлялся снова и приставалъ съ разговорами то ко мнѣ, то къ корчмарю, который сидѣлъ въ углу на продранномъ креслѣ и непрерывно дымилъ короткой трубкой.

— Dokad chcesz sie udac? Куда отправляетесь? — спросилъ онъ патера.

— До станціи, а тамъ, что выйдетъ.

— Нужно добраться до Киева. Самъ не знаю.

— Доберетесь, доберетесь, торопливо успокоилъ Юдылевичъ. Вчера, говорять, приходилъ и уходилъ поѣздъ.

Онъ посмотрѣлъ на насъ своими черными, жалобными глазами, точно самъ

ПРИКАЗЪ. АРМИИ И ФЛОТУ.

23го августа 1915 года.

Сего числа Я принялъ на СЕБЯ предводи-
тельствование всѣми сухопутными и морскими
вооруженными силами, находящимися на театру
военныхъ дѣйствій.

Съ пѣдигрьо врага въ лицо
Погибъ и съ искромѣтною уврѣжностью
и конеги-подѣлъ бѣгунъ исполнитъ
нашъ свѣтой долгъ защищать Родину
до конца и не покримъши дани
Русской.

Факсимиле Высочайшаго приказа армии и флоту отъ 23-го августа 1915 г.

(„Огонекъ“).

хотѣлъ услышать какое-нибудь успокоеніе, и добавилъ со вздохомъ:

— Мнѣ тоже до станціи, а потомъ въ городъ. Охъ, что это! Ничего нѣть, муки нѣть, чая нѣть, сахара нѣть. Что останется послѣ нѣмца? Приходять въ лавочку сельчане, жалуются, плачутся, а въ лавочкѣ пусто. Хорошо еще маленько успокоились. Спимъ теперь, не бухаетъ. Это-жъ горе!

Услышавъ слово «нѣмецъ», корчмаръ словно проснулся, сплюнулъ и пробасилъ, ни къ кому не обращаясь;

— Чтобы ему nienasyconemu zarlokowi кишкѣ разодрало.

— А вы, панъ, куда? — спросилъ меня Юдылевичъ.

— Куда придется. Нужно въ Москву.

— Ой-ой! У пана есть семья? Ничего, ничего. Это тутъ трудно, а дальше такъ и понесетесь. Тамъ хорошо... Охъ, если бъ вы видѣли, что было у насъ! Сна-

чала бухало, да бухало, то чаще, то рѣже, днемъ и ночью. Ну, рѣшили, что мы въ сторонѣ. А потомъ, какъ ударило, какъ ударило. И женщины, и дѣти — всѣ до кучи, —вой пошелъ, хаты разносило, горѣли, какъ свѣчи; вотъ и ихнюю построечку (онъ кивнулъ головой въ сторону патера) разнесло. Ничего, ничего... Теперь уже кое какъ наладились.. Вотъ и Юдылевичъ єдетъ за товаромъ. А тогда, охъ, что это было! Собрались до кучи и пошли, и пошли, чуть не головы; дождь, вѣтеръ. Кому нуженъ человѣкъ, который бѣжитъ? Ободранный, голодный человѣкъ. Такъ нѣть. Проходили къ вечеру лѣсочекъ, думали люди — отдохнуть, обогрѣются. Вдругъ трах-так-та. Одинъ, другой, падали какъ собаки въ грязь. Пока не стемнѣло, разстрѣливали насъ изъ лѣса... Утромъ вернулись кто помоложе и хоронили, тутъ же около лѣса. Семнадцать человѣкъ ни за что пропали... Видно, мы зайцы. Ничего, ничего. Вотъ тогда у Бончичихы сына убили. Золотой человѣкъ. Старуха не ушла, всю ночь съ нимъ пролежала; утромъ сама хоронила. Вотъ теперь каждую недѣлю и єздить на могилу. Вылѣзетъ у лѣсочка и останется до ночи. А потомъ пѣшкомъ обратно, или кто подвезетъ.

Вошелъ возница и сказалъ:

— Пришла старуха, уже сидитъ.

Мы поднялись. Юдылевичъ бросился къ корчмарю;

— Панъ Литецъ, увидите Эстерку, скажите, пусть сидитъ, пусть сидитъ, теперь же ничего, два-три дня, и я вернусь. Видѣли сами — баба ошалѣла. Прощу пана.

Мы вышли и влѣзли въ фургонъ. Онъ такъ завизжалъ и наклонился, что, казалось, сейчасъ свалится, но не свалился, выпрямился вдругъ и мѣрно закачался; слышно было, какъ лошади тяжело и часто мѣсили грязь.

Внутри было еще темнѣе.

Лицо пастора совсѣмъ посѣрѣло. Сидѣлъ онъ рядомъ со мной, покачивался; мы ударялись боками и плечами другъ о друга. Онъ опустилъ голову, медленно перебиралъ большими пальцами сложенныхъ рукъ и словно дремалъ. Теперь вся его полная фигура выражала только усталость и равнодушіе.

При сильномъ толчкѣ онъ поднималъ голову, взглядалъ въ четырехуголь-

ную дыру на досогу и подрядъ бормоталъ: Jesus Christus... Jesus Christus...

Юдылевич сидѣль противъ меня, скавшись отъ състи въ комочекъ, покорный, тихій; на скатыя колѣни положи ѿ какіе то з мусоленные листки бумаги и что то медленно писаль, съ дл нными пера вами дѣя размышилений. Въ эти моме ты онъ поднималъ голову, съзерцаль потолокъ, затѣмъ излавъ кор ткі, шумящій звукъ и счова писаль и перебиралъ свѣи бумаги.

— Ми го ще до станціи? спросиль я. Онъ встрепелъся и сазалъ:

— Часть до лѣсочка, а затѣмъ еще часа два. Ничего, ничего.

И посмотрѣлъ на меня покорными, жалобными глазами, слов о самъ хотѣль услышать такое же успокоительное «ничего».

Въ углу рядомъ съ Юдылевичемъ, все вр мя молча и неп движно сидѣла, согнувшись, тощая старуха, сълошь закутан ая въ какое то чернѣе и разборчивое тряпье. Виды были только тусклые, словно слѣпыя глаза и сѣдая грѣдь в лось надъ ними.

Только разъ, когда она взглянула на чернѣя, словно обгорѣлая пляя, разстилавшіяся вокругъ нась, я услышалъ ея глухой шепотъ.

— Smier zimna.. Холодная смерть... smier..

Патерь началъ сопѣть. Я кусилъ Юдылевичъ отказался отъ папиосы, н жадно вдыхалъ табачный дымъ.

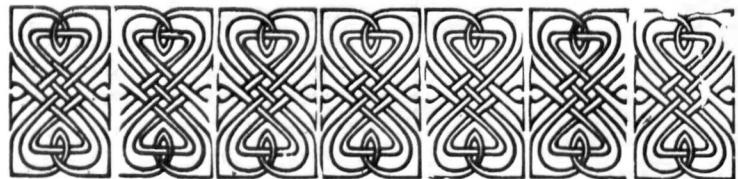
Старуха вдругъ открыла свѣ лицо, сморщенное изодранное, въ струпьяхъ; оно было темъмъ и страшнымъ. Она ухватилась за щеки грязными, крючковатыми пальцами. Я видѣлъ, какъ ногти впивались въ кожу, она рвачула руки, и показались красные полоски съ выступающими каплами крови.

Я отвѣснулся. Юдылевичъ поймалъ мой взглядъ и тихо сказълъ:

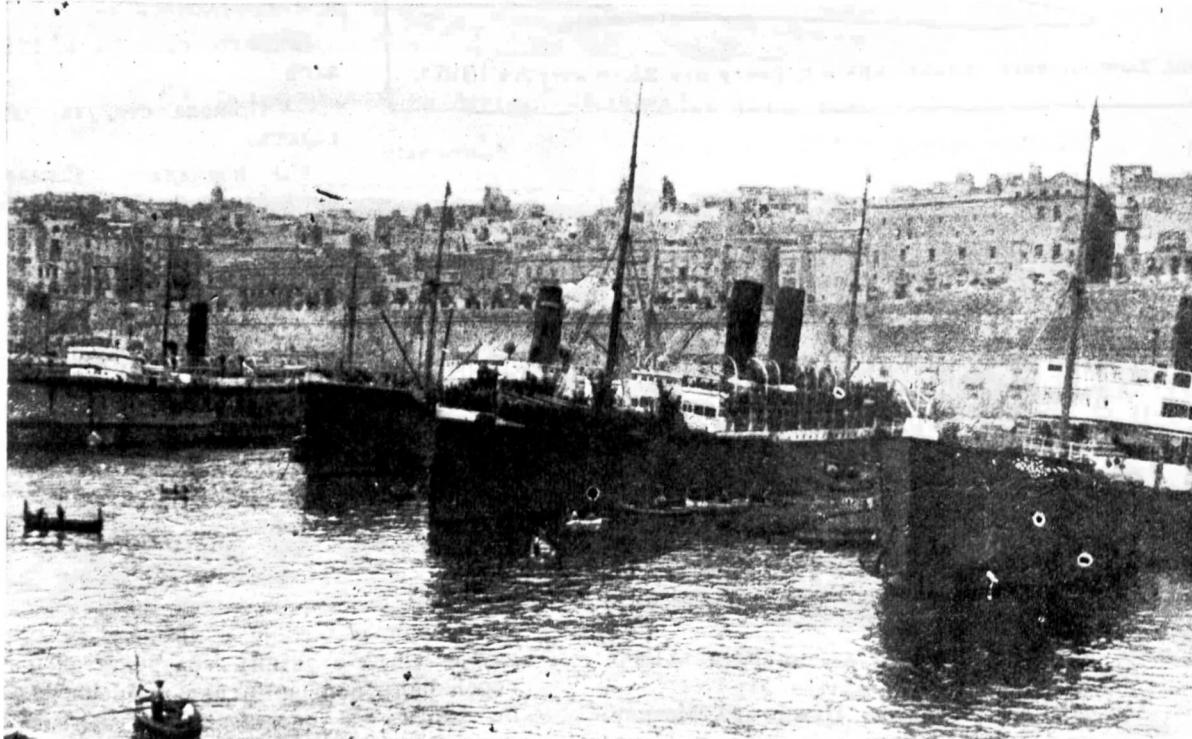
— Такъ все-таки. Сейчасъ будетъ лѣсо ъ. Тамъ и кладище,

Черезъ нѣсколько мину старуха выѣзла, и мы поѣхали дальше. Но я еще долго видѣлъ въ дыру тощую, длинную фигуру, дыгавшуюся къ лѣсу по черной, грязной землѣ. Затѣмъ все скрылось въ сѣромъ дождѣ вомъ ту. анъ.

Ал. Станкевичъ

1. Аристидъ Брианъ, новый предсѣдатель совѣта министровъ во Франціи. 2. Профессоръ Пенлевэ, новый министръ народного просвѣщенія и военныхъ изобрѣтеній. 3. Генераль Галлієні, новый военный министръ. 4. Адмираль Лаказъ, новый морской министръ. 5. Эмиль Комбъ, лидеръ радикальной партіи, министръ безъ портфеля въ кабинетѣ Бриана. 6. Дени-Кошенъ, лидеръ католической правой, министръ безъ портфеля. 7. Жюль Камбонъ, бывшій посолъ въ Берлинѣ, генеральный секретарь при министрѣ иностранныхъ дѣлъ Брианѣ.

На Мальтѣ.—Груженые войсками транспорты, ожидающие отправки въ Салоники.
Отъ нашего корреспондента.

Въ Сербіи.—Дефиле Демиръ-Копіа, гдѣ протекаетъ Вардаръ и проходитъ желѣзная дорога Салоники—Ускюбъ.
Отъ нашего корреспондента.

Выгрузка припасовъ съ англійскихъ транспортовъ въ Салоникской гавани.
Отъ нашего корреспондента.

Культура лекарственныхъ растеній.

Въ теченіе многихъ лѣтъ наша фармацевтическая промышленность была всецѣло въ зависимости отъ иностраннаго рынка и главнымъ образомъ—нѣмецкаго, между тѣмъ какъ, по словамъ «Р. В.», одинъ лишь Туркестанский край которому, несомнѣнно, въ дѣлѣ отечественного лекарственснаго снабженія предстоитъ большая будущность, могъ бы снабжать нашъ рынокъ всѣми необходимыми лекарственными растеніями.

За азиатской сѣльской сѣверной акклиматизацией субтропической флоры, представляющей громадный интересъ. Здѣсь имѣются посадки белой магноліи, зимующей безъ прикрытія бамбука, индійского перца. Сплошные заросли горькаго миндаля въ горахъ Закаспія ждутъ давно эксплуатации. Растущій въ дикомъ видѣ въ ущельяхъ Фирузъ ынжиръ ынталкиваетъ на необходимость заняться промышленной культурой его, чтобы дать возможность Туркестанскому краю конкурировать со Смирной, являющейся, какъ известно, поставщикомъ винныхъ ягодъ для всего міра.

Послѣднее время, правда, въ Туркестанскомъ краѣ постепенно проникаются сознаніемъ необходимости культивирования лекарственныхъ растеній, но всѣ эти начинанія не выходятъ изъ рамокъ показательныхъ питомниковъ. Такого именно рода питомники лекарственныхъ травъ устроены въ Ахшабадѣ, въ Чарджуѣ, Фаррабѣ и Самаркандѣ, где произрастаютъ и культивируются нѣкоторыя лекарственныя травы.

Въ чагджаускомъ питомникѣ прекрасно произрастаютъ интересное растеніе физалисъ (мозжуха), ягоды которого необычайно вкусны. Въ народѣ ягоды этого растенія употребляются при разнаго рода болѣзняхъ. Чашечка мозжухи содержитъ горькое тѣло физалинъ, предлагаемое докторомъ Гендриномъ, какъ противолихорадочное средство. Ягоды находятъ примѣненіе въ хозяйственномъ обиходѣ: изъ нихъ приготавливаютъ вино, уксусъ, варенье и пр. Нерѣдко, за отсутствіемъ лимоновъ на местныхъ рынкахъ, ягоды мозжухи замѣняютъ ихъ. Мозжуха въ Туркестанѣ сильно распространена, какъ въ дикомъ видѣ, такъ и въ огроемахъ туземцевъ.

Кромѣ уже существующихъ въ краѣ питомниковъ, съ начала года устроены также питомникъ лекарственныхъ растеній и въ Ташкентѣ по инициативѣ недавно организовавшагося специальнаго отдѣленія, при туркестанскомъ сельскохозяйственномъ Обществѣ.

Средства отдѣленію по культурѣ лекарственныхъ и техническихъ растеній были отпущены управлениемъ землемѣдѣлія. Въ текущемъ году осенью на паровыхъ грядахъ были посыпаны травы: наперстянка, горицветъ, красовка, крушина американская, арника и др.

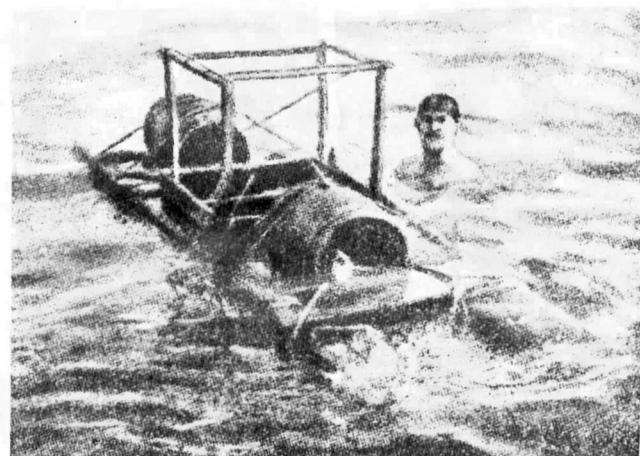

Бывший военный министр Великобритании фельдмаршаль лордъ Китченеръ.

Лордъ Китченеръ, который начал свою военную карьеру простымъ рядовымъ, сражаясь въ рядахъ французской арміи противъ германцевъ въ 1870 году, затѣмъ послѣдованно служилъ на Кипрѣ, въ Индіи, въ Южной Африкѣ и Египтѣ, обладаетъ рѣдкимъ специальными знакомствами съ Ближнимъ Востокомъ. Неудивительно поэтому, что въ виду его исключительной освѣдомленности въ этой области и всѣхъ его превзныхъ боевыхъ заслугъ, а также въ виду твердо установленной за нимъ репутациіи «желѣзного человѣка», онъ былъ избранъ для согласованія военныхъ дѣйствій въ юго-восточной Европѣ, которая въ настоящий моментъ является самыми интересными и даже, быть-можетъ, самыми важными театрами великой войны. Лордъ Китченеръ двинулся въ путь къ мѣсту своихъ работъ, какъ человѣкъ, наиболѣе подходящій для подготовки побѣды, и возвратится лишь тогда, когда эта задача будетъ имъ выполнена.

Стадо коровъ, убитыхъ германскими удушливыми газами.

Командиръ англійской подводной лодки лейтенантъ Гюгъ, подплывшій съ грузомъ динамита къ берегу Мраморнаго моря и взорвавшій тамъ желѣзно-дорожный путь.

Прапорщикъ Е. А. Кубракъ.

Убитъ въ бою.

Прапорщикъ А. И. Соколовъ,
воспитанникъ харьковскаго
коммерческаго училища.
Убитъ въ бою.

Классный фельднеръ
И. А. Давидовъ.

Контушенъ въ голову и раненъ въ ногу.
Награжденъ Георгіевскимъ крестомъ 4-й
ст. и Георгіевской медалью 4-й ст. Пред-
ставленъ къ Георгіевскому кресту 3-й ст.